

На правах рукописи

ЖУРАЕВА РАМЗИЯ САИДКУЛОВНА

**КОНЦЕПТ «ХУШБАХТӢ/HAPPINESS
(СЧАСТЬЕ)» В ТАДЖИКСКОЙ И
АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Специальность 10.02.19 - Теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2022

Диссертация выполнена на кафедре иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана

Научный руководитель: Джаматов Самиддин Салохиддинович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни

Официальные оппоненты: Мухторов Зайнидин Мухторович, доктор филологических наук, ректор Филиала Сингапурского Института развития менеджмента в городе Душанбе

Махмадов Джовидон Шарифович, кандидат филологических наук, и.о. заведующий кафедрой иностранных языков факультета Азии и Европы Таджикского национального университета

Ведущая организация: Таджикский государственный институт языков имени Сотима Улугзода

Защита диссертации состоится 4 октября 2022 г. в 14:00 часов на заседании Диссертационного совета Д 047.004.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Института языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки 21).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки 21: www.iza.tj).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

**Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 047.004.02,
доктор филологических наук**

Jamilya Khan Дж. Дж. Мурувватиён

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В последнее время одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики стала проблема отображения в сознании человека целостной картины мира, фиксируемой языком. Особенно актуально исследование ментальных образов и их языковых воплощений в разных языках, поскольку контрастный материал позволяет обратить внимание на общее, специфическое и уникальное в этнокультурах, приближая нас к пониманию ментального образа мира. Приобретенный опыт человека трансформируется в определенные концепты, которые логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно, что и приводит к изменчивости в сознании человека.

Актуальность темы исследования. В современном языкознании все больше проявляется интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры. На сегодняшний день изучение лингвокультурологических концептов является наиболее актуальной, поскольку исследование ментальных образов и их языковых воплощений в разносистемных языках позволяет выявлять общее, специфическое и уникальное в этнокультурах, тем самым приближая нас к пониманию ментальной картины мира. Одна из стратегий изучения концептов заключается в том, что базируется на конкретно избранном языковом материале. В данном случае концепт «хушбахти/happiness (счастье)» исследуется в таджикской и английской лингвокультурах.

Исследование концепта счастье, как качественность бытия человека, является одной из актуальных гносеологических проблем гуманитарной науки. Попытки его исследования привели к созданию бесчисленных философских, социологических, религиозных, психологических подходов к его объяснению.

Считается, что культурные концепты, как мировоззренческие универсалии принадлежат языку философии и в зависимости от уровня абстракции могут реализоваться в семантической материи одного или нескольких языков. Если философские понятия-термины или в данном случае концепты, как научные понятия определены и наполнены конкретным семантическим содержанием, то культурные концепты-мировоззренческие универсалии семантически наполняются соответствующей культурной парадигме значений и смыслов могут выходить за рамки какой-либо одной конкретной теории или концепции, т.е. могут стать объектом изучения лингвистики.

Актуальность исследования также обусловлена недостаточной степенью изученности семантического поля концепта «хушбахти/happiness (счастье)» в сопоставительном плане в таджикском и английском языках, существенно описание основных, культурных концептов концептосферы с целью выявления национальной специфики данного концепта в таджикской и английской лингвокультурах.

Степень разработанности темы. Теоретические и практические аспекты исследования концептов уже становились объектом пристального внимания мирового научного и профессионального сообществ. Однако попытки

представителей отечественного языкознания в этой сфере не отличаются частотностью и целостностью. Так, например, данная проблема до сих пор не стала предметом специального исследования со стороны таджикских ученых – филологов.

Безусловно, вопросы концептологии выступали в качестве тематик целого ряда статей, обзоров, представляемых на научных семинарах и конференциях различного уровня, однако затронуты они были, как правило, фрагментарно и не получили в этих трудах должного изучения. Сопоставительный и семантико-лингвокультурологический анализ различных концептов неоднократно становился эпицентром исследований русских и отечественных ученых, таких как А. Вежицкая, С.Г. Воркачев, Д.С. Лихачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, М.В. Пименова, П.В. Токарев, В.А. Маслова, Т.В. Гоннова, А.Я. Гуревич, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Д.М. Искандаровой, Х. Шанбезода, М.Б. Давлатмировой и др. На этой же базе, учеными были проведены обширные исследования по различным аспектам заявленной нами тематики, которые легли в основу целого ряда научных трудов и серии учебных, методических курсов.

По изучению концепта «кушбахтӣ/happiness (счастье)» в сопоставлении с английским языком проведены ряд исследовательских работ в русском (С.Г. Воркачев), калмыцком (Д. Лагаева), татарском (Г.А. Бакирова) и узбекском (Н. А. Тухтахуджаева) языках, но в современной таджикской лингвистике этот концепт недостаточно изучен. Попытки таджикских исследователей в этом направлении достаточно ограничены, хотя последнее десятилетие характеризуется активными научными изысканиями в области когнитивной лингвистики. Были защищены ряд диссертационных работ, в частности А. Пак «Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках» (2009); З. Гуловой «Концепт «Еда» в русском и польском языках» (2015); М.Дж. Мамедовой «Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира» (2015); М.М. Имомзода «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» (2017); Д. М. Азиззода «Концепти «Муҳаббат/Love» дар тасвири забони ҷаҳон» (2019); Н. Б. Рахмоновой «Отражение концепта «Свадьба» в таджикском и памирском языках» (2019); Ш. К. Фазыловой «Концепт «Богатство» в русском, таджикском и английском линвокультурах» (2019); М. К. Давлатовой «Отражение концепта «жизнь/life» в лексико-фразеологической системе таджикского и английского языков (2019) и другими молодыми учеными. Некоторые вопросы таджикской концептуальной картины мира рассматриваются в сопоставительно-типологическом и семантическом аспектах в исследованиях Х. Х Мирзоева (2014), Махдии Мухаммадбегии Косвои (2016), У.А. Гадайбаевой (2007) и др.

Изучение культурологических концептов в разносистемных языках важно для дальнейшего развития сопоставительного языкознания, так как при изучении определяется разница в их восприятии со стороны разных народов. Тад-

жикский и английский языки являются социокультурологически разными языками, которые соотносятся с европейской и восточной культурами. Это во многом определяет разницу восприятия концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» со стороны носителей исследуемых языков.

Идея счастья – одна из самых старых и плодотворных в истории этики, служившая предметом философских изысканий со времен античности, изучением которой занимались не одно поколение западных и восточных ученых. Счастье отражает базовую ценность, особенность мировосприятия народа. Она связана с самим человеком и его развитием, поскольку речь идёт об определённых потребностях и их удовлетворении. «Счастье является началом и концом человеческих стремлений, счастье есть цель, к которой стремятся все», считает К. Нешев [8, 31]. Эту точку зрения разделяет Аль-Фараби, который утверждает, что: «Счастье – это цель, к которой стремится каждый человек, ибо он является неким совершенством. Всякое совершенство есть цель, к которой стремится человек потому, что оно является неким благом. Счастье является самым полезным из предпочтительных благ...» [3, 3]. Являясь ключевым компонентом национальной культуры, концепт счастье отражает важнейшие категории и установки жизненной философии таджикского и английского народов, и имеет особую значимость для понимания национального характера этих этносов другими народами.

В многочисленных трудах учёных и в отдельных наблюдениях, главным образом, рассматривались аксиологические, психологические и социологические аспекты концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)», описывались сущность и способы его достижения, однако последовательного анализа семантической структуры данного концепта, в частности в таджикской лингвистике не проводилось.

Объектом исследования являются сравнительный анализ концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикской и английской лингвокультурах.

Предметом исследования – сопоставительный анализ концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикской и английской лингвокультурах.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – выявление универсальных и специфических особенностей концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в культурном сознании таджикского и английского народов и определение отличия в понимании счастья в разных типах языковых реалиях.

Для достижения цели данного исследования перед нами были поставлены следующие **задачи**:

- определить теоретическую базу исследования;
- изучить семантическое пространство концепта «happiness/хушбахтӣ (счастье)» в таджикском и английском языках, используя данные по философии, социологии, психологии, культурологии и лингвистике;
- определить базовые понятия языковой картины мира и ее основные характеристики, а также специфики национального концепта как единицы языкового сознания;

➤ обнаружить когнитивную модель концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» как компоненты менталитета носителей таджикского и английского языков;

➤ очертить связь между концептом «хушбахтӣ/happiness (счастье)» и другими концептами;

➤ определить ценностные доминанты концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» и способы их языковой реализации в английской и таджикской лингвокультурах.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые комплексно изучается лингвокультурный концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в концептосфере таджикского языка в сопоставлении с английским языком. При этом, в исследовании учитывается широкий контекст мировоззренческих (философских, социологических, психологических) и национально-культурных традиций. Определены ценностные, понятийные и образные составляющие концепта счастье в таджикском и английском языках, выявлены, национально-специфические, универсальные компоненты семантики исследуемого концепта в разносистемных языках и в лингвокультурах.

Теоретическую базу исследования представляют труды русских, зарубежных, а также отечественных лингвистов в области когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии [Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, С. А. Аскольдов-Алексеева, А. П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, А. Вежибичкой, В.З. Демьянкова, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, О.А. Корнилова, Д.С. Лихачёва, Г.Г. Слышкина, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, М.В. Пименовой, Е.В. Рахилиной, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, Э. Роша, В.Н. Телия, Д.М. Искандаровой, Н. И. Каримовой, З.А. Гуловой и др.].

Теоретическая значимость работы заключается в том, что материалы данной исследовательской работы могут представлять интерес для дальнейших научных работ в области культурологии и социологии, а также могут использоваться в разработке некоторых аспектов теории межкультурной коммуникации, который введен в ряд общетеоретических дисциплин, преподаваемых в таджикских вузах.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты данного исследования могут быть использованы при написании учебников и учебных пособий по курсу: «Когнитивная лингвистика», «Теория и практика перевода», «Стилистика текста», при составлении словарей, а также в лекционных курсах по лингвистике данных языков, сравнительной типологии таджикского, английского и русского языков, при написании дипломных работ и магистерских диссертаций.

Методология и методы исследования. Настоящее исследование представляет собой историко-сопоставительное описание исследуемого материала, основывающее на изучении и обобщении достижений современной лингвистики. Основными методами являются сопоставительный и

описательный методы, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа.

Материал исследования. Материалом для исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из словарей исследуемых языков «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [ФЗТ: 1969]; «Мудрость трех народов» Я.И. Калонтарова [Калонтаров: 1989], «Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ» - томов I, II, III М. Фозилова [Фозилова: 2014], ряд научных и художественных литератур, периодические издания, газеты, журналы, энциклопедии, а также электронные интернет-ресурсы. При выборе авторов художественной литературы особое внимание уделялось временному критерию, т.е. использованы как классическая, так и современная художественная литературы, главной причиной которой было определение восприятия данного понятия в прошлом и в настоящем времени.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Изучаемый концепт как ментальный комплекс обладает сложной структурой и семантикой и охватывает в себе определённое содержание. Выявление основных единиц номинативной периферии, поля и ядра концепта «хушбахти/happiness (счастье)» в сравниваемых языках содействует обнаружению содержания и особенности его языкового выражения.

2. В разных языковых картинах мира важен выбор языковых средств и их анализ для вербализации концепта «хушбахти/happiness (счастье)» и его характеристики, так как они варьируются в разных лингвокультурах в соответствии с мироощущением и мировосприятием носителей языков.

3. Концепт «хушбахти/happiness (счастье)» в таджикской и английской лингвокультурах представляет различия языковой и концептуальной картин мира, определяющей специфическими особенностями в оценке одних и тех же понятий, и явлений в разных лингвокультурах.

4. Исследования фразеологических единиц и паремииологического фонда языка, включающих устойчивые когнитивные компоненты со значением «хушбахти/happiness (счастье)» предоставляет возможность определить особенности национального менталитета, этнокультурные стереотипы, а также национальную специфику изучаемых лингвокультур.

5. На современном этапе развития языка лингвокультурный подход изучения концепта является важным аспектом когнитивной лингвистики, в связи с этим, анализ и очерчивание концепта «хушбахти/happiness (счастье)» на материале таджикского и английского языков способствует выявлению и очерчиванию культурных доминант, указанного концепта.

Личный вклад диссертанта. Основные результаты получены автором самостоятельно. Личный вклад автора состоит в сборе, обработке, анализе исследуемого материала и обобщении полученных результатов. Диссертантом представлен аналитический обзор трудов зарубежных и отечественных учёных по проблемам концепта «хушбахти/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках.

Апробация работы. Основные результаты научных изысканий, теоретические положения, результаты и выводы проведённого исследования обсуждались на заседаниях лингвистических и теоретических семинаров кафедры иностранных языков НАНТ (2019-2022); были представлены в докладах на конференциях разного уровня: на ежегодных заседаниях круглого стола, организованных кафедрой иностранных языков НАНТ. Основные положения диссертации изложены в 8 статьях, 4 из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры иностранных языков Национальной Академии наук Таджикистана и представлен к защите (протокол № 3 от «12» мая 2022 года).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи диссертации, определяются новизна и предмет исследования, обосновывается теоретико-практическое значение, указываются материалы и источники, основные положения и методы исследования.

Первая глава **«Теоретическое обоснование изучения лингвокультурного концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках»**, включающая пять разделов, посвящена проблемам изучения концепта счастье и её лингвистических особенностей в сравниваемых языках.

В первом разделе освещается лингвокультурология как новое научное направление в лингвистике, которая наряду с другими лингвистическими науками, является самостоятельной отрасли языкознания, изучающая и исследующая взаимоотношения между культурными концептами и языком в целом. При всем том, культурная лингвистика расширяет аналитический и теоретический прогресс когнитивистики (охватывая исследование сложных систем и процессов разделения познавательной способности) и антропологии. В рамках лингвокультурологии исследуются особенности различных языков, которые в свою очередь, отображают культурные модели, культурные категории, культурные метафоры и культурные концепты.

Следовательно, лингвокультурологию можно обусловить как дисциплину, представляющую собой целостное теоретическое и описательное исследование различных объектов функционирующих в системе культурных ценностей разных языков, отражённых в их языке, или как отрасль лингвистики, при помощи которой проводится контрастивный анализ лингвокультурологических областей, основанной на теории лингвистической относительности.

Во втором разделе лингвокультурология рассматривается как продукт взаимосвязи языка и культуры, задача которой состоит в изучении менталитета конкретного народа в рамках этой взаимосвязи. Как утверждает С. Воркачёв: «она создана по прогнозу Бенвениста на основе триады – язык, культура, человеческая личность, и представляет лингвокультуру как линзу, через которую

исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [6, 37].

Язык – это самый главный символ, определяющий народ, орудие и хранитель его культуры. Язык – это источник народной культуры, который хранит в себе историю народа и его дух, и передаёт его из поколения в поколение, и тем самым предотвращает исчезновение культуры этносов в целом. Язык понимается как духовная реальность, живая деятельность человеческого духа, отражающая каждую стадию развития человечества.

Язык – это не только средство общения людей и поддержание социальных связей, он также необходим для формирования личности, его миропонимания и духовного развития, в нём отражается знания человека о мире, природные особенности народа, коллективный уклад, исторические судьбы и жизненная практика.

В третьем разделе концепт рассматривается как основная единица лингвокультурологии. Слово «концепт» происходит от латынского «Conceptus», которое означает понятие – содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Концепт помещён между языковыми высказываниями и соответствующими им денотатами. В научном знании концепт означает «определённым образом упорядоченный и иерархизированный минимум».

Концепт – это ментальная единица, элемент сознания человека. Наше сознание является неким посредником, проводником между реальным миром и языком. Любая культурная информация, которая поступает в наше сознание, перерабатывается, фильтруется, и систематизируется в ней. Н. Д. Арутюнова определяет концепт как «культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [5, 32]. Считается, что концепт, как явление культуры в сознании человека, способствует более глубокому пониманию и восприятию человеком культуры. Культурные концепты сохраняются в сознании человека в виде знаний, ассоциаций и эмоций, и потому они не только осмысливаются, но и переживаются.

С точки зрения когнитивной лингвистики концепт воспринимается как явление ментальных или психических ресурсов человеческого сознания, которое, воспроизводит в речи весь опыт и знания человека. Совокупность концептов могут образовать концептосферу определённого народа и соответственно его языка, которое имеет прямое отношение к их языковой картине мира.

С лингвокультурной точки зрения, концепт изучается как базовая единица культуры. Этот подход позволяет принимать концепт как единицу культуры, в которой зафиксирован коллективный опыт, и которая считается достоянием индивида или народа в целом. Следовательно, лингвокультурный концепт можно считать связующей нитью от культуры к индивидуальному сознанию.

В четвёртом разделе исследуются концепт как основная описательная единица языковой картины мира. Утверждение о том, что концепт очень попу-

лярен в последнее время, не будет преувеличением и огромное количество научных изысканий в этой области тому подтверждение.

Соотношение «концепта», «понятия» и «значения» рассматриваются в пятом разделе данной главы. Для определения схожести и различия между концептом, понятием и значением нам следует обратиться к их толкованию на основе толковых словарей, а также рассмотреть описания и определения учёных-лингвистов относительно этих терминов.

Считается, что понятие – это то, посредством чего выражается наши суждения об окружающей нас действительности, наше мировоззрение. Понятие отображает всеобщую природу или общий тип определённого класса вещей, явлений, т.е. понимание сути дела, его состава, особенностей, закона их существования в составе целого и т.д. Понятие может обрести свою полную и законченную форму в процессе выработки определений, в составе расширенного теоретического описания известного комплекса явлений.

По своей структуре «концепт» и «понятие» совпадают неполностью, так как в отличие от понятия, имеющего более простую структуру, «концепт» многогранен и в своей структуре имеет больше компонентов, чем понятие. В отличие от понятия, которое отражает более общие и значимые черты предметов и явлений, концепт способен передать все эмоции, ассоциации и переживания, связанные с обозначаемым им понятием. Эта способность концепта наиболее четко выявляет их различия.

Главное отличие концепта от понятия – это его принадлежность к ментальной картине мира, которая наполнена разными эмоциональными и культурно-значимыми компонентами, как отдельного человека, так и всего народа в целом, а результаты логического мышления, выражаемого языком в независимости от каких-либо национальных особенностей – это понятие.

Особый интерес семантического анализа концепта счастья представляет по двум причинам: а) разнохарактерность его семантического содержания и б) различность его предметной области.

Вместе с тем, значение – это мысль о предмете, организованная как внутренней формой (конкретнее представлением), так и формирующимся или сформированным понятием, указанием на которое служит слово.

В шестом разделе освещается концепт «хушбахти/happiness (счастье)» в этической парадигме. Счастье – одна из вечных тем гуманитарного знания со времён античности, служившая предметом философских изысканий. Счастье входит в число наиболее важных и значимых ценностей, определяющих духовную сущность людей, наряду с другими понятиями, такими как *смысл жизни, любовь, благо, богатство, здоровье* и др. Эти понятия составляют ядро аксиологической области индивидуального сознания, представления о котором образуют наше мировоззрение.

Являясь главным компонентом национальной культуры, ключевой компонент «хушбахти/happiness (счастье)» определяет основные категории и установки жизненной философии таджикского и английского народов и

является значимым для понимания национального характера, менталитета и миропонимания данных этносов.

Проблемами счастья занимались многие учёные, такие как Аристотель, Фома Аквинский, Сенека, Августин Блаженный, а также великие, восточные мыслители: Аль Фараби, Сино, Джами, Саади и др. Даже по сей день, в современном мире, попытки определения понятия счастья современными учёными не прекращаются. Каждый из этих учёных предьявляет своё видение, понимание счастья и дает советы, как приобрести, где и в чём найти счастье.

В XX веке этика психологизируется, в нем больше учитываются переживания человека, его внутренний мир. В качестве идеала счастья в современном понимании выступает постоянное, полное и обоснованное удовлетворение человека своей жизнью, её условиями, наполненностью и достижением всех целей. Индивидуально-психологическое счастье предстаёт как переживание удовлетворённости жизнью, полноты бытия.

Вторая глава «**Структурный анализ лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в разноструктурных языках**» посвящена структурно-семантическому освещению лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в сопоставляемых языках и состоит она из пяти разделов.

В первом разделе приводится этимологический анализ концепта «хушбахтӣ / happiness (счастье)» в исследуемых языках. Взаимообусловленность внутреннего содержания концепта и его внешнего бытия должна ощущаться в языках, в которых неразделимы языковой узус и языковое творчество, а слово в сознании человека надделено высокой ценностью. Следовательно, интерпретация генезиса или этимологии лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ /happiness (счастье)» в сравниваемых языках, считается необходимым.

Рассмотрим этимологию данного понятия в таджикском языке: **badra**- 1) *хушбахт, хурсанд*; 2) *тақдир, насиба* – 1) *happу, glad*; 2) *fate, destiny (счастли- вый, радостный* или *участь, доля, судьба)* происходило из арийского языка в форме **bhadra**- со значением «*хушбахт, хурсанд (счастливый, радостный)*»; в форме глагола (*от др.-инд. гл. bhand*) означает *хушбахт будан, шод, хурсанд будан* или *шодӣ кардан, хурсандӣ кардан – to be happу, to be glad (быть счастливым, радоваться)*.

В трудах В. С. Расторгуевой отмечается, что в древне авестийско-пехлевийском зафиксировано слово **hu-badra** – *хушбахт, муваффақ, комёб – happу, prosperous, lucky* (счастливый, благополучный), которое в свою очередь образуется при помощи прилагательного **hu-** «*хуб, хуш, нек*» (добрый, хороший) [10, 45].

Также в более поздних языках засвидетельствованы формы **badra**- и **badra-ka** со значением *бахти нек, иқболи нек – good fate, fortune* (добрая доля, участь) при контаминации с рефлексам **baxtra**- от корня **bag-**. Считается, что это относительно поздние заимствования с персидского языка. Так, например, в средне-персидском языке лексема **bahr** – *қисмат, тақдир, баҳра - fate*,

destiny интерпретируется как: часть, доля; жребий, участь судьба); в классическом персидском, дари, таджикском *bahr* – 1) *бахра*, *насиб*, *хисса*, *қисмат*, *тақдир* – *part, share* (доля, часть, пай):

«Набошад маро *бахра* чуз ранчу дард,

Шавад рӯзи равшан чунин ложшард» (Фирдавси) [16, 165];

Также в этимологии данного слова встречается слово *bag* (от *baj*), который является вторичным корнем слова *baxs-* со значением *бахшидан*, *ато кардан* – *to give as a share, endow* (наделять, распределять; выделять в качестве доли; дарить) и происходит из арийского языка в форме *bhag-: bhaj-* (в активной парадигме – *бахшидан*, *ато кардан* – *to give as a share, endow* (наделять, делить), в медиальной – *хамчун қисмат қабул кардан* (получать в качестве доли)), восходит к индоевропейскому *bhag-*.

В этимологическом словаре английского языка «Online Etymology Dictionary» относительно лексемы «*happiness*» – *хушбахтӣ* (счастье) приводится информация, согласно которому, данное слово имеет скандинавское происхождение. Оно восходит к существительному «*hap*», который использовался в значениях «*chance*» – *имконият*, «*a person's luck*» – *омад*, *барор*, «*fortune*» – *толеъ*, «*fate*» – *тақдир* (шанс, удача, успех, судьба), а также, «*unforeseen occurrence*» – *ҳолати ғайричашидоиш* (непредвиденный случай). Как глагол лексема *hap* приобретает следующие значения: «*to come to pass, to be the case*» – *ба вуқӯъ омадан* (случаться, происходить).

В вышеупомянутом словаре также указывается на происхождение слова от древнескандинавского *happ* со значением «*chance, good luck*» – *имконият*, *омад* (шанс, удача), от протогерманского *hap-* (источник древнеанглийского *gehæp*) «*convenient, fit*» – *қулай*, *мувофиқ* (удобный, подходящий), от норвежского *heppa* «*lucky, favorable, propitious*» – *бобарор*, *мусоид*, *хуш* (удачный, благоприятный) и др.

Структурный анализ монокомпонентных лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» проводится во втором разделе. В ходе изучения было выявлено, что наиболее продуктивным способом словообразования в английском языке, как и в таджикском, является аффиксация. Как отмечает И. В. Арнольд: «Аффиксальное словопроизводство, или, как этот способ также называют, аффиксация или деривация, или просто словопроизводство (derivation), т.е. создание новых слов путем присоединения к основе тех или иных словообразовательных элементов – аффиксов» [4, 107].

К примеру, английское слово *lucky* – *хушбахт*, *бахтёр* (удачливый), образуется путем присоединения суффикса -у к непроизводной основе *luck* – *омад* (удача), а слово *unlucky* – *ноком*, *бадбахт* (невезучий) при помощи префикса *un-*. Например: «*We're lucky that most of them are here, Brissenden whispered to Martin*» [20, 116]. – «*Толеъамон мадад кард, беишари онҳо ин ҷо хузур доранд, гуфт Бриссенден ба Мартин*». (Нам повезло, что большинство из них здесь, - прошептал Бриссенден Мартину); «*Oh, you will grow tired of them, too, of all the female things, if you are unlucky enough to live*» [20, 100]. – *Эй, ту ҳам ҳоло аз онҳо хаста мешавӣ, аз ҳама таиштиҳои занон, агар ба қадри кофӣ бетолеъ*

боишву зиёд умр бубинӣ (зинда бимонӣ). (Ой, ты тоже устанешь от них, от всего женского, если тебе не повезёт и ты будешь жить).

Путём присоединения наречного суффикса **-ly** к производным основам **lucky** и **unlucky** образуются соответствующие наречия **luckily** – хушбахтона (к счастью), **unluckily** – бадбахтона, мутаасифона (к несчастью, к сожалению): **We thought, we might never see him again, but luckily - or unluckily we met him in the town some days before.** – Мо фикр мекардем, ки дигар ҳеҷ гоҳ ўро намебинем, вале хушбахтона ё бадбахтона якчанд рӯз пештар ўро дар шаҳр во хӯрдем. (Мы думали, что никогда больше не увидим его, но к счастью, или к несчастью, пару дней назад мы встретили его в городе).

Как уже было отмечено выше, в таджикском языке аффиксация также является наиболее эффективным способом словообразования. Например, **префикс ба- (бо-)** (происходит от ср.-перс. **abag- //apak**) присоединяясь к существительным образует качественные прилагательные со значением обладания качества или свойства. Д. Саймиддинов в своей работе отмечает: «В среднеперсидском языке **pad, abag, abar** считались предлогами, которые в составе некоторых слов перешли в категорию префикса, и это течение в словообразовании среднеперсидского языка именуется, как новый способ в старой форме» [12, 143].

Например: **бабахт** – *happу* (счастливый): «*Духтарат бабахт будааст. Имрӯз мо мехмон шуда рафта будим, болои ғушту равганба роҳ мерафтам.* (Твоя дочка счастливая (везучая). Сегодня мы были у нее в гостях, каталась как сыр в масле.) [17, с 61]; **бадавлат/ бодавлат** – *wealthy, well-off, happу* (1. богатый, зажиточный, имущий; 2. счастливый): *Бобоям одами хеле бадавлат буданд, чун соҳиби зиёда аз панҷоҳ набераву абера буданд.* (Мой дед был очень счастливый (богатый), так как у него было более пятидесяти внуков и правнуков).

Префикс **бе-** (ср. -перс. **abe- // are-**) являясь продуктивным, образует прилагательные, указывающие на отсутствие свойства или качества: **бебахт** (несчастный, невезучий), **бедавлат** (1. неимущий, бедный. 2. несчастный, несчастный, обездоленный), **бенасиб** (несчастный, невезучий), **бетолғ** (несчастный, невезучий):

«*Бедавлат агар масҷиди одина бисозад,*

Ё тоқ фуруд ояд, ё қибла қач ояд» [16, 169].

В морфологическом словообразовании суффиксы также играют немаловажную роль. Так, например суффикс **-она (-гона, -ёна)**, (восходит к ср.-перс.) образует прилагательные и наречия: **хушбахтона, бахтиёрона, некахтона, саодатмандона** - *happily, luckily, fortunately, gaily*, наречие (к счастью); прилагательное (счастливо).

Примеры: «... *арӯсу домод хушбахтона аз пеши ман ғузаита ба асне, ки дар пеши қозихона бастагӣ буд, савор шуда рафтанд*» [2, 91]. - «... *bride and groom swept gaily on by me, mounted a horse that stood tethered in the street in front of the courthouse, and rode away.*» («Счастливые, они (жених и невеста), прошли мимо меня, затем, сев на лошадь, уехали») [1, 67]; **Дилдодагон хуш-**

бахтона умр ба сар мебурданд. Lovers lived happily ever after. (Влюбленные жили счастливо); *бадбахтона - unluckily, unfortunately*; наречие (к несчастью): *Бадбахтона ман он рӯз дар шаҳр набудам ва аз ин воқеа бехабар будам. Unfortunately, I was not in the city that day and I did not know about this incident.* (К несчастью, в тот день я не был в городе и не знал об этом происшествии.).

Далее в разделе рассмотрены способы образования слов со значением счастье в английском языке. Самыми продуктивными аффиксами в английском языке считаются отрицательные префиксы *in-, in-, il-, dis-, in-, mis-, over-, un-*; суффиксы существительных – *-ist, -er, -or*; прилагательных: *-able, -ible, -less, -y, -ic, -ive*, суффикс наречия *-ly* и др. Например: *un+fortun(e)+ate – бадбахт* (несчастный, несчастливый, неудачник, горемыка): «*The woman said to herself, «Who is better able to help these poor, unfortunate people that I, who have had misfortune of my own?» – «Зан ба худ гуфт: «Ба ин бечорагони бадбахт кӣ кӯмак карда метавонад, ба ҷуз ман, ки худ ҷунин бадбахтиҳоро(нокомиҳоро)дидаам»* [19, 22]. (Женщина сказала себе: «Кто может лучше помочь этим бедным, несчастным людям, чем я, у которой тоже было несчастье?»); *un+hap(r)+y – бадбахт* (несчастный): *I didn't realize she was so unhappy. Ман дарк намекардам, ки ӯ то чӣ андоза бадбахт аст.* (Я не знала, что она настолько несчастна); *un+luck+y – бадбахт* (невезучий, неудачный, несчастливый): *Last year was such an unlucky year for the people all over the world.- Соли гузашта барои мардуми тамоми дунё соли бечарор буд.* (Прошлый год был таким неудачным для людей во всем мире); *un+happy(i)+ness – бадбахтӣ* (несчастье, невезение, неудача): «*Questioning Jane Lloyd learns of her unhappiness at Gateshead and when he asks if she would rather go away to school then stay with Mrs. Reed, Jane says yes»* [19, 20]. - *Аз ҳоли Ҷейн Ллойд турсон шуда, Ллойд аз бадбахтиҳои ӯ дар Гейтсхед огаҳ мешавад ва вақте ки ӯ аз Ҷейн хоҳиши ба мактаб рафтаниро мепурсад, ӯ розӣ мешавад.* (Опрашивая Джейн Ллойд узнает о ее несчастье в Гейтсхеде, и когда он спрашивает, не хочет ли она пойти в школу, чем остаться с миссис Рид, Джейн соглашается). Префикс *un-* в данных примерах выражает значение «не имеющий, лишенный того признака качества или свойства, на который указывает основа».

Суффиксы же, как компоненты производного слова связаны с его конечной частью, где помимо грамматических морфем есть и другие словообразовательные элементы: *hap+less – бадбахт, бетолель* (несчастный, злополучный, незадачливый): *In this play Dilbar plays the hapless heroine who is unlucky in love. - Дар ин намоиши Дилбар нақши қахрамони бадбахтро мебозад, ки дар шиқу муҳаббат ноком аст.* (В этом спектакле Дилбар играет несчастную героиню, которой не везет в любви); *luck+less – бадбахт* (неудачный, несчастливый): «*He was a poor and luckless man, without a single desire or ambition in life»* [18, 139]. - «*Ӯ як одами бечораи номуроде буд»* [2, 120]. (Он был бедным и несчастным человеком, который ни на что в жизни не мог рассчитывать).

Образуя абстрактные существительные от многочисленных глагольных основ, суффикс придаёт им значение действия, условия действия, процесса,

выраженных основами, или значение состояния быть сделанным так, как на то указывает основа, т.е. результата действия.

Суффикс **-ly** по происхождению является общегерманским. Первоначально этот суффикс использовался для производных прилагательных только от исконно английских слов, выражает значение «имеющий сходство, или характеризующийся с тем, что присуще производящей основе. Однако, суффикс наречия **-ly** в некоторой степени отличается от значения суффикса прилагательных, образует наречия образа действия и выражает значение «таким образом, видом или способом, как на то указывает словообразующая основа». Например: **happy(i)+ly** – *хушбахтона (счастливо): They lived happily ever after – Онҳо тамоми умр хушбахтона зиндагӣ қарданд.* (Они жили счастливо всю ставшуюся жизнь); **cheer+ful+ly** – **cheerfully** – *хурсандона* (весело); **gay+ly** – **gaily** – *шод, хурсанд* (весело); **glad+ly** – **gladly** – *хурсандона* (радостно); **merry+ly** – **merrily** – *шод, хурсандона, хушбахтона* (весело, оживлённо).

Сложные слова. Сложными словами принято считать лексические единицы, сформированные в результате соединения двух или более знаменательных основ, таких как, именных, глагольных или наречных, которые различаются структурной слитностью и цельнооформленности. Нами отмечены следующие их разновидности:

1. Сочетанием двух существительных, из которых первое поясняет или уточняет второго, образованы составные существительные. Например, **бахт+ёр** (человек, которому сопутствует счастье, удача, т.е. счастливый, удачливый):

*«Носазоеро, ки бинӣ бахтёр,
Оқилон таслим қарданд ихтиёр»* [16, 31].

2. Сочетанием прилагательного с существительным образуются прилагательные и существительные. В зависимости от значения прилагательного в составе слова, оно приобретает либо положительное, либо отрицательное значение.

В таджикском языке прилагательные **хуш, нек** (хуб, нағз, бахайр) имеют значения *хороший, добрый, благой, радостный*, и поэтому любое слово, в состав которого входят эти прилагательные, могут обозначать что-то *хорошее, доброе, благое, весёлое*, а в нашем случае эти прилагательные в сочетании с существительными **бахт, қисмат, талей** (счастье, судьба, доля, участь) означают *счастливую судьбу, долю, удачу, везение*, а прилагательное **бад** (плохой) в сочетании с вышеназванными существительными означает *плохую судьбу, неудачу* или *невезение*:

*«Чӣ бадбахтам, ки ҳар сӯ мениҳам рӯй,
Зи оби дида бинам пеши рӯ ҷӯй»* [16, 127].

Третий раздел посвящается структурному анализу поликомпонентных лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в исследуемых языках.

Термин «поликомпонентный» обозначает слова или лексические единицы, состоящие из двух или более взаимосвязанных компонентов. Таджикские

составные лексические единицы, относящиеся к концепту «хушбахти/happiness(счастье)» образованы по следующей модели: **N+Adj**. В образовании данной модели используются две части речи, имя существительное и имя прилагательное. Компонеты таких словосочетаний обычно связываются при помощи атрибутивной связи. В основном, те составные слова или словосочетания, которые созданы при помощи указанной модели, считаются субстантивными или именными словосочетаниями, которые выражают оттенок и свойства предметов. Например, *бахти бедор*, *бахти баландахтар*, *бахти фирӯз*, *толеи фирӯз* - бахти голиб, фатху нусратовар; бахти нек (благая судьба, участь, доля; благое счастье; безоблачное счастье, везение, удачливость):

«Ба рӯи мо зан аз соғар гулобе,

Ки хоболудаем, эй *бахти бедор!*» (Ҳофиз) [16, 159];

«Хоҳам, ки ба коми дили худ бо ту нишинам,

Ку *бахти баландахтару*, ку *толеи фирӯз!*» (Ахлӣ) [16, 159];

бахти хоболуд - бахти мусоидат накунанда (досл. *сонливое счастье*, невезние, неудача):

«Аё эй *бахти хоболуд*, бархез,

Ба гоят дер кардӣ, зуд бархез!» (Ҳилолӣ) [16, 159];

Лексический ряд таких образований могут пополнить следующие сочетания: *бахти баргаишта*, *толеи бад*, *иқболи наст*, *бахти шум*, *бахти гунуда*, *толеи саъд* (*бахти баланд*, *бахти нек*); *толеи абтар* (*толеи фирӯз*), *бахти бад* (*бадбахтӣ*); *толеи шӯрида* - *бахти баргаишта*, *бахти хоб* (*бахраи хоб*, *мусоид омадани хоб*, *нағз хоб карда тавонистан*) *бахти бад* и пр.

Концепт «хушбахти/happiness (счастье)» также может выражаться в форме глагола в значении *осчастливить кого-либо* – *касоро хушбахт кардан*, *to make someone happy*, подарить счастье – *ба касе бахт ато кардан*, приносить радость или счастье – *хушбахтӣ ё хурсандӣ овардан*, *to give someone happiness*:

«His sole motive was *to make her happy*, *to make her proud of him*, *to justify her long faith in him*» [20, 53]. – Ягона ҳадафи ӯ *хушбахт кардани дӯстдоиштааии*, *ифтихор доштан аз худ ва эътимоди деринаи ӯро амалӣ гардонидан буд*. (Его единственным мотивом (единственной целью) было *сделать её счастливой*, заставить ее гордиться им, оправдать ее давнюю веру в него) и т.д.

Четвёртый раздел содержит информацию о фразеологическом репрезентации концепта «хушбахти/happiness (счастье)» в сравниваемых языках. Фразеологические единицы, в частности, направлены на субъект, т.е. они в большей степени употребляются не для того чтобы описывать мир, а для того, чтобы оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Эта особенность отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц. Например: *an ill-fated person* - *одами бадбахт* (несчастный человек), *an ill-fated attempt* – *кӯшиши бепарор*(неудачная попытка), *hapless life* – *рӯзгори нохуш* (несчастливая жизнь), *eternal blessedness* – *саодати абадӣ* (вечное блаженство), *single blessedness* – *хушбахтии муҷарради* (шутл. холостяцкая

жизнь, холостяцкая доля) *a happy event* – *ходисаи хуи* (счастливый случай, радостное событие) и т.д. Отдельные фразы, отрывки из знаменитых рассказов, фильмов, пародий также могут стать общеупотребительным и сохраниться во фразеологическом фонде языка. Так, например «*ноомади кор*» - неудача в делах, является отрывком из народного афоризма: «*Дар ноомади кор атола дандон шиканад, шиша сандон*», который означает, что неудачнику всегда не везёт в делах.

Результаты анализируемого материала дают нам противоречивую картину. С одной стороны, утверждается, что счастье заложено в судьбе человека: *хушбахт, хушахтар, хуштолеъ, некиқбол, некрӯз, нектолеъ, батақдир* (счастливый, благополучный, удачливый) и т.д. Следовательно, человек не может изменить свою судьбу, менять ход событий в своей жизни, так как не может ею управлять. С другой стороны, в социальном плане существуют чёткие представления о том, что может принести счастье: *любовь, добро, труд, учение, воспитание, трудолюбие, настойчивость в достижении цели, терпение, спокойствие, уважение страших* и т.д., и что может его разрушить: *лень, беспутство, невоспитанность* и прочие отрицательные привычки:

«Кавме ба ҷидду ҷаҳд ниҳоданд васли дӯст,

Кавме дигар ҳавола ба тақдир мекунанд» (Ҳофиз) [16, 204].

В художественных текстах литературы и поговорках концепт «хушбахти/happiness (счастье)» содержит национальную особенность осмысления образа, в котором предстаёт в облике субъекта, обладающего способностью передвигаться, предаваться, наделяться и т.п. Также, «таджикское счастье» имеет цветовую характеристику, такой как белый – *бахти сафед*; зеленый – *бахти сабз*, и чёрный – *бахти сиёҳ*, цвет несчастья.

Если у кого-то случается несчастье, то об этом человеке говорят «*бадбахт*», «*шӯрбахт*» или «*сиёҳбахт*», т.е. несчастный: «*Дар ин вақт рӯшноии рӯз ҷун бахти сафеди мо ба сари мо партав афканда буд*» [2, 337]. – *At this time, the dawn raised its beam above us, bright (white), as the color of our happiness.* (В это время, рассвет поднял над нами свой луч, светлый (белый), как цвет нашего счастья (пер. автора)); «*Аммо бадбахтона, он торикӣ монанди бахти сиёҳи ман ва он духтар зуд омад*» [2, 40]. – *Unfortunately the darkness, like our black happiness, got early.* (Но к несчастью, темнота, как цвет нашего несчастья (чёрное счастье), наступила рано (пер. автора)).

Пятый раздел посвящается таджикским и английским идиомам, относящимся к концепту «хушбахти/happiness (счастье)». В каждом языке существуют устойчивые словосочетания – фразеологизмы или идиомы, которые обогащают речь и делают её более красочной. Английский язык считается «идиоматическим языком» потому как в нем сохранилось большое количество поговорок, поговорок, афоризмов, идиом и разных устоявшихся выражений. Большинство людей сталкиваются с трудностями перевода и понимания идиом, так как идиомы утрачивают (теряют) смысл при дословном переводе, а в отдельности значения слов могут совершенно не сочетаться между собой. С другой стороны, они придают языку яркую эмоциональную окраску.

Так, например, идиома *on cloud nine* – (досл. *быть на девятом облаке*) в таджикском языке имеет схожий по значению эквивалент *худро дар осмони ҳафтум эҳсос кардан* (*быть на седьмом небе от счастья*).

В таджикском языке наряду с фразеологизмами можно встретить большое количество идиоматических выражений, сохранившихся в языке, и не утративших свою актуальность и по сей день. В них хранится дух наших предков, их богатая культура, мировоззрение: «*бахт кушода шудан*» (*нас аз таназзул ба пеширафт, нас аз интизорихои муайяне ба комёби, муваффақият ва хушбахтӣ ноил гардидан, омад кардани кори кас*) (досл. открыть счастье, т.е. добиться успехов после падения, обрести счастье, удачу после долгих неудач и невезений, везти кому-либо в делах): «*Баъд аз шаш соли давуғеҷ акнун бахташ кушода шуда зандор шуд-а, бечора!*» [17, 45]. (Бедняга, после шести лет беготни и хлопот наконец-то удача ему улыбнулась, и он женился.); «*болои ғўшиту равғанба роҳ рафтан*» (досл. *ходить по мясу и маслу*, т.е. *кататься как сыр в масле*). Например: «*Духтарат бабахт будааст. Имрӯз мо меҳмон шуда рафта будим, болои ғўшиту равғанба роҳ мерафтам*» [17, 61]. (*Твоя дочка счастливая. Сегодня мы были у неё в гостях, каталась как сыр в масле.*)

В таджикском языке также встречаются идиоматические выражения с отрицательным значением, которые означают несчастье, неудачу, недовольство и пр. Например, выражение «*доғ кардан*» (касоро ғамгин ва аламзада кардан) имеет значение сделать кого-либо несчастным, огорчить; «*доғ шудан*» (гирифтори ғаму андӯх шудан ва ба зери алами ҳичрон мондан, аз марги одами маҳбуб ва наздики худ аламзада шудан) – стать несчастным, страдать из-за потери близкого, родного человека: «*Духтараш вафот карду модари бечораша доғ карда рафт*» [7, 158]. (Её дочь умерла и бедная мать стала такой несчастной); «*алов дарнагирифтан*» (*бахт омад накардан, пеширафт накардани кори касе*) (в прямом смысле *огонь не зажигается*), в переносном смысле, как идиома означает невезение и неудачу; таким же значением обладает идиоматическое выражение «*кор пошна задан*» (кор пеш нарафтан, барор нагирифтан) – невезение в делах, неудача: «*Шокирхӯча-уко, амакбачаатон фарзанддор шуд-ми? - Не, бобо Мусобир, чор зан гирифт, аз ягонтааш ҳам бачадор нашуд. - О, бечора-е... Аловаи асло дар нагирифт ғўед-чӣ?*» [7, 29]. (Скажите Шокирхуджа, ваш брат стал отцом? – Нет дедушка Мусобир. Четыре раза женился, но так и не стал отцом. – Эх, бедняжка. Ему никак не везёт (перевод наш).

Третья глава - «*Лексико-семантическое освещение лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ – happiness (счастье)» в таджикском и английском языках*» состоит также из пяти разделов.

В первом разделе рассматриваются семантические особенности концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикском и английском языках. Вопрос о том, как осмысливается человеком мир и как оно концептуализируется в языке, один из самых актуальных вопросов, привлекающий внимание учёных. Данной проблеме посвящено огромное количество работ, тем не менее, нельзя считать её завершённой, поскольку в некоторых языках, в частности в таджикском языке, не все концепты изучены в полном объёме. Изучение семантического

пространства концепта «хушбахтӣ» в таджикской лингвистике ещё не проводилось.

Концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» представляет собой интерес для семантического анализа в силу двух главных причин: разнородности образующих его семантических признаков (его содержания), и разнохарактерности его предметной области. В семантическом поле концепта счастье, вместе с другими, существуют два основных, семантически неразложимых признака – «благо» и «желание». В то же время, оно соотносится с предметными областями «состояние духа» и «состояние дел», которая соединяет «внутренний» и «внешний» миры человека. Изучая структуру исследуемого концепта, мы выявили главные его составляющие: ценностная, понятийная и образная. Поэтому концепт «хушбахтӣ/happiness (счастье)» может иметь цветовую и вкусовую характеристики: «*бахти сафед*» (белое счастье – благое), «*бахти сабз*» (зеленое – цвет хорошего, благого счастья), «*бахти сиёх*» (черное счастье, т.е. несчастье); «*бахти ширин*» (сладкое счастье), «*бахти шӯр*» (солёное) «*бахти талх*» (горькое счастье).

В таджикском языковом сознании семантическое поле исследуемого концепта также отождествляется с такими природными явлениями как небо, «*осмони софу бегубор*» (чистое и ясное небо – символ счастья), «*офтоби дурахшон*» (яркое солнце), «*обҳои мусаффо ва чаимасорон*» (чистые воды и родники) и т.д. Выражения «*осмони софу бегубор*», «*офтоби дурахшон*», «*тинчию осоиштагӣ*» в таджикском языке также используются в благожеланиях, в значении счастья.

В английском языке содержательным компонентом семантического поля концепта «**happiness**» (счастье) является «благополучие», которое ориентированно на объективный момент счастья, в то время как *blessedness*, *bliss*, *felicity* и *betitude* ориентированны на его субъективный момент – «блаженство». Например: «*And those who choose to be happy must help others to find happiness, for the welfare of each is bound up with the welfare of all*» [19, 47]. (А те, кто хотят быть счастливыми, должны помочь другим найти счастье, ибо благополучие каждого связано с благополучием другого (перевод наш)); «*You wander here and there, seeking rest in exile: happiness in pleasure*» [19, 33]. (Ты бродишь тут и там, ища покоя в изгнании, счастье в удовольствии (перевод наш)).

Второй раздел посвящается лингвокультурологическому освещению концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в таджикской поэзии разных исторических эпох.

Художественная литература и устное народное творчество служат мостом, соединяющим прошлое с настоящим и будущим. Она даёт нам возможность взглянуть на прошлое, осознать мир, людей, которые жили в нём, а также разные события, происходившее в то время, и тем самым ценить то, что имеем сейчас.

Таким образом, представляем периферийные понятия, которые, как нам кажется, входят в семантическое поле лингвокультурного концепта «хушбахтӣ» с точки зрения носителя таджикского языка и культуры: 1) Изначально

счастье имело объективную основу и воспринималось как благо, которым человек наделён извне, точнее, счастье представлялось в виде *удачной судьбы, участи, доли (насиба, қисмат, баҳра, саодат)* которое даровалось богом (*бахт – атои Худо*), поэтому ситочник счастья помещался вне человека.

Примеры:

*«Мақун, Саъдиё, дида бар дасти кас,
Ки баҳшанда Парвардгор асту бас.*

Гар ӯ некбахтат кунад, сар барор,

В-агарна сари ноумедӣ бихор» [13, 195]. (досл. Не смотри ни на чьи руки, Саади, потому что Бог всепрощающий и всезнающий, если он одарит тебя счастьем, радуйся, коли нет, смирись! (перевод наш)).

Следует отметить, что семантическое поле содержательной стороны концепта «хушбахтӣ» (счастье) достаточно широкое. Оно охватывает наибольший лингвокультурный пласт данного концепта. На этом список факторов, приносящих счастье, не заканчивается, наоборот, его периферийные значения расширяются ещё больше и затрагивают различные области и сферы жизнедеятельности людей в целом.

Наука и знание всегда были востребованы, а учёные всегда были в почёте, им оказывали уважение. Поэтому, считалось, что знание также приносит счастье, так как оно превозносит человека:

Счастье – *наука и знание (илму дониш):*

«Бе виқор он ки сози ҳилмаш нест,

Бе саодат касе, ки илмаш нест!» (Абдулқодири Бедил) [16, 210]. (досл. Несчастен тот, у кого нет знания (перевод наш));

Счастье – *разум и мудрость (ақлу хирад):*

«Хирад мар ҷаҳонро сари гавҳар аст,

Равонро ба дониш хирад раҳбар аст» (Асадии Тӯсӣ) [16, 39]. (досл. Мудрость – жемчужина мира и проводник к знаниям (перевод наш)); *«Ҳеҷ давлат беҳ зи ақду илм нест»* [16, 43]. (досл. Нет богатства лучше, чем разум и знание (перевод наш)).

Периферийные значения исследуемого концепта более детально рассмотрены в данном разделе. На основании проведенного исследования мы сделали выводы относительно лингвокультурологического значения концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в языковой картине мира таджиков, выраженной в поэзии. Для анализа ценностной составляющей в данном исследовании мы отдали предпочтение таджикской поэзии, которая содержит в себе все языковые универсалии, отражающие духовно-нравственные и моральные ценности лингвокультурного концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в обыденной жизни таджикского народа. Исследование показало, что универсальными и суперморальными ценностными компонентами концепта счастье в классической поэзии являются рай и покаяние.

Явление полисемия в концепте «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в исследуемых языках освещается в третьем разделе данной главы. Большинство учёных-лингвистов придерживаются мнения, что в лексике естественного языка

имеются как однозначные, так и многозначные слова. В отличие от однозначных слов, многозначные слова составляют большую часть общеупотребительной лексики.

Под полисемией и многозначностью следует понимать слово, имеющее множество различных значений. Таким же свойством, как нам кажется, обладает и концепт, так как он объединяет целую группу понятий, которые связаны между собой в силу соответствующих явлений объективной действительности.

Концепт «**хушбахтӣ**» (счастье, благополучие, удача) в таджикском языке образуется от основы «**бахт**», (доля, участь, судьба), прилагательного «хуш» (хороший, добрый, радостный) и суффикса существительного **-ӣ**; является абстрактным существительным и имеет несколько различных значений: **хурсандӣ** (радость), **хуштолеӣ** (удачливость), **комёбӣ**, **муваффақият** (успех), **қаноатмандӣ** (довольство) и т.д. Вышеуказанные примеры можно считать, как полисемией, так и синонимией. Хотя в словарях дается всего несколько значений, но в обиходе его значения намного шире, так как счастье само по себе понятие многозначное. Например, счастьем называют *безмерную радость, чувство абсолютного удовлетворения, довольства* и пр.

*Примеры: «Ман дубора ба зиндагонии хушбахтона умедвор шудам» [2, 336]. – I again had hope for a **happy life**. (У меня снова появилась надежда, на счастливую жизнь (пер.авт.)); «Арӯсу домод хушбахтона аз пеши ман гузашта ба аспе, ки дар пеши қозихона бастагӣ буд, савор шуда рафтанд» [2, 91]. – «And bride and groom swept **gaily** on by me, mounted a horse that stood tethered in the street in front of the courthouse, and rode away» [18, 110]. («Счастливые, они (жених и невеста) прошли мимо меня, затем, сев на лошадь, уехали» [172, 67]).*

Как видно из вышеприведенных примеров, лексема *хушбахтона* имеет разные значения в контекстах, которые наиболее ярко выражены в переводах на английский язык: «Ман аз меҳмонхона баромадам, дар ҳолате, ки аз ин мусоҳиба **аз ҳад зиёд хурсанд будам**. **Хурсандии ман** авалан аз он чиҳат буд, ки сирри сохтакори ман ба пеши ӯ қушода нашуд, ё ин ки агар ӯ фаҳмида бошад ҳам, изҳор карда маро ба пеши мардум шарманда накард» [2, 170]. – «I left the guestroom **bursting with joy**... – but first because the secret of my home-made verse had not come out, for if he had recognized its origin, he had not embarrassed me by publicizing it» [18, 192]. («Этот разговор влился в меня какой-то удивительной *радостью*, наполнившей и пропитавшей меня всего. ... *радовался*, что он не открыл тайну моего жульничества, а если открыл, *радовался* тому, что он меня не выдал и не опозорил перед людьми» [1, 132]); «Ин гуна либосҳои тоза... на танҳо маро **хурсанд** карда буд, ҳатто диққати бачагони дигарро низ ба худ ҷалб менамуд» [174, 15]. – «These new clothes not only **pleased me enormously**, but also attracted the attention of other boys» [188, 38]. (Эта одежда не только *радовала* меня, но и привлекала ко мне внимание всех ребят.)

Прилагательное «*happy*» – *хушбахт*, (счастливый, удачный, довольный) в английском языке также имеет полисемантическое значение. Так, например, в словаре Merriam-Webster Dictionary прилагается несколько определений: *favoured by luck or fortune* – *баиқбол*, *батолё* (тот, к кому благосклонна судьба, удача: удачливый, везунчик); *enjoying or characterized by well-being and contentment* – *давлатманд*, *қаноатманд* (благополучный, довольный или удовлетворенный); *glad, pleased* – *хушбахт*, *хурсанд*, *хушҳол*, *қаноатманд* (радостный довольный) и т.д.

Существительное «*happiness*» - *хушбахтӣ* также имеет несколько определений: *a feeling or state of well-being and contentment* – *ҳисси қаноатмандӣ* (чувство или состояние благополучия и довольства); *a pleasurable or satisfying experience* – *таҷрибаи хуб ё қаноатмандона доштан* (приятный или удовлетворительный опыт); *felicity, aptness a striking happiness of expression* (счастье, способность поразительного счастья выражения); *good fortune* - *омад* (удача).

Явление синонимии концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в исследуемых языках рассматривается в четвертом разделе. Изучением сущности синонимии и синонимических отношений между словами учёные занимались издавна, так как решение проблемы синонимии тесно связано с полисемией и антонимией, которые имеют огромное значение для лексикографии, литературоведения и др. научных отраслей.

Так, например, в таджикском толковом словаре существительное «*хушбахтӣ*» (счастье) имеет следующие синонимы: *некбахтӣ*, *саодатмандӣ*, *нектолей*, *хушиқболӣ*, *бахтёрӣ* [16, 465]; также в указанном словаре мы обнаружили старое арабское заимствованное слово *майманат*, которое также является синонимом слова *хушбахтӣ*, но в современном таджикском языке вышло из употребления [16, 624]:

«*Майманат* назди гофилон шум аст,

Баҳри бетолон шумо бум аст» (Бедил) [16, 624].

Также в ходе изучения художественной литературы («Таджикские афоризмы») были выявлены ещё несколько синонимов счастья, которые частично вышли из общего употребления. Например, *комгорӣ* (*саодат*, *некбахтӣ*, *тавоноӣ*, *забардастӣ*), *некахтарӣ* (*бахтёрӣ*, *хуштолёрӣ*, *саодатмандӣ*); *пирӯзӣ* (*музаффарият*, *босаодатӣ*), *ҳазз* (*хузур*, *бахра*, *насиб*, *бахт*).

Синонимический ряд английского *happiness* включает следующие лексемы: *pleasure, joy, bliss, contentment, exhilaration, satisfaction, felicity*; а прилагательное *happy* имеет такие синонимы, как *cheerful, contented, delighted, glad, joyful, lively, merry, blessed* и т.д. Благодаря общему значению, в некоторых отдельных случаях, синонимы могут быть взаимозаменяемыми. Однако выбор более правильного и подходящего синонима зависит от контекста, в котором он будет применен. Приведём несколько примеров употребления синонимов существительного *happiness* - *хушбахтӣ* (счастье) (the feeling of being happy) в английском языке: *pleasure* (a feeling of happiness, enjoyment or satisfaction) – *ҳисси хушбахтӣ*, *хурсандӣ ё қаноатмандӣ* (ощущение счастья, радости или удовольствия): *I'm fond of reading as it gives not only knowledge, but also*

wonderful moments of joy and pleasure. – Ман мутолиа карданро дӯст медорам, чунки он на танҳо дониш, балки лаҳзаҳои аҷиби хурсандӣ ва ҳаловат мебахшад. (Я люблю читать, поскольку это дает не только знания, но и прекрасные моменты радости и удовольствия); *joy* (a feeling of great happiness) – *хурсандӣ, ҳаловат, хушбахтӣ, шодмонӣ, лаззат* (радость, удовольствие, счастье, веселье, восторг, наслаждение, отрада); *joy of motherhood* – саодати модарӣ (модар шудан) (счастье материнства): *I am immensely happy that I experienced the joy of motherhood*. – Ман бениҳоят хушбахтам аз он, ки саодати модарӣ ба ман насиб гардидааст. (Я безмерно рада, что испытала счастье материнства).

Прилагательное *хушбахт* – *happy* (счастливый) в таджикском языке имеет следующие синонимы: *некбахт, бедорбахт, давлатманд, саодатманд, саодатнишон, саодатёр, хурсанд, хуштолеъ, фархундаолеъ, нектолеъ, хушахтар, некахтар некруз, неканҷом, иқболнок, бахтёр, комрон*:

«*Зи ҳар нақше, ки ўро омадӣ пеш,*

Ба некахтар задӣ фоли дили хеш» (Низомӣ) [16, 848];

«*Насихат гуш кун, чоно, ки аз ҷон дӯсттар доранд*

Чавонони саодатманд панди пири доноро» (Ҳофиз) [16, 192].

В таджикском языке часто встречаются парные синонимы со значением счастье. К ним относятся: *бахту саодат, бахту давлат, бахту толеъ, бахту иқбол, иқболу идбор, давлату толеъ* и пр. Парные синонимы можно встретить в литературных произведениях. Например:

«*Ба нирӯи иқболу бахту умед,*

Бад-ин орзу аз ту хоҳам расид» (Савдо) [16, 519];

«*Мо ҳалоку ту ба дарвеш набинӣ, чӣ кунам,*

Давлату бахт ба бозор харидан натавон» (Хисрави Дехлавӣ) [16, 519; 125].

Согласно словарю “English synonyms and antonyms” английское слово *happy* насчитывает более 40 синонимов, каждый из которых имеет несколько значений. В зависимости от содержания, мы попытались группировать их по общим признакам. Таким образом, синонимы прилагательного *happy* в значении а) *радостный, бодрый, живой, энергичный* (*хурсанд, пурқувват, хушбин, богайрат болидарӯх*) составляет 20 единиц: *alive, buoyant, bright, bubbly, cheerful, cheery, chirpy, ebullient, delirious, exuberant, jocund, jolly, jovial, gay, merry giddy, joyful, perky, rumbustious, sunny*; б) в значении *весёлый, беспечный* (*хурсанд, форигбол, бегам*) 4 единицы: *blithe, carefree, careless, light-hearted*; в) *счастливый – довольный, удовлетворенный* (*хушбахт қаноатманд*) 9 единиц: *content, contented, glad, overjoyed, pleased, satisfied, seraphic, thrilled, tickled*; г) *счастливый – восхищённый, ликующий, гордый* (*из-за приятного события*) (*шоду масрур*) 4 единицы: *delighted, flattered, jubilant, exultant, exalted*; д) *счастье – блаженство* 1 ед.: *euphoric*.

Следует отметить, что в английском языке также существуют способы выражения счастья при помощи отдельных слов и фраз, которые относятся к междометию. Так, например в он-лайн словаре Macmillan Thesaurus мы нашли 29 примеров, 15 из которых междомития, 6 фраз, 5 прилагательных, 2

наречия и 1 существительное. Приведем несколько примеров: *hooray, alleluia, lovely, excellent, brilliant, congrats, thankfully* и т.д.

Явление антонимии концепта «хушбахтӣ/happiness (счастье)» в английском и таджикском языках освещается в пятом разделе. Явление антонимии связано с одной из основных проблем бытия – с единством противоположных начал в самой сущности предметов, явлений, признаков духовного и материального мира. Идея противопоставления значений слов, в целом не является новой в лингвистической науке.

Антонимия слов сосуществует с общеязыковой антонимией и может поддерживаться ею. Так, лексические единицы *хушбахт* – *бадбахт*, *некбахт* – *шӯрбахт*, *босаодат* – *бесаодат*, *нектолеъ* – *бадтолеъ*, *happу-unhappу*, *luckу* – *unluckу*, *fortune* – *misfortune* (*счастливый-несчастный*) и пр. антонимичны, прежде всего потому, что за ними стоят противоположные признаки, качества, но к тому же антонимия данных лексем хорошо осознается и благодаря общеязыковой антонимии прилагательных *нек* (*хуб*, *нағз*, *хуш*; *бахайр*, *бафоида*, *ба-салоҳ*; *муқобили бад* [16, 848]), и *бад* (*ганда*, *зишт*, *зараровар* [160, 848]) (*хороший-плохой*), а также и самих существительных.

«*Бар домани васлу ҳаҷр баста,*

Бадбахтию некахтариро» (Анварӣ) [16, 127];

«*Иқболи ҷаҳон бигзарад, идбор намонад,*

Охир аламу айши гулу хор намонад» (Бедил) [16, 127].

Антонимии прилагательного *хушбахт*: – *бадбахт*, *бебахт*, *бадтолеъ*, *бетолеъ*, *бадахтар*, *бенасиб*, *баргаштабахт*, *бахташ номусоид*, *бедават*, *бесаодат*, *бебахра*, *бадрӯз*, *сиёҳбахт*:

«*Чӣ бадбахтам, ки ҳар сӯ мениҳам рӯӣ,*

Зи оби дида бинам пеши рӯ ҷӯӣ» (Шоҳин) [16, 127];

«*Бедават агар масҷиди одина бисозад,*

Ё тоқ фуруд ояд, ё қибла қач ояд» [16, 127].

Лексемы *идбор* (*бадбахтӣ*), *ибтило* (*бадбахтӣ*) и *масоб* (*мусибатҳо*, *андӯхҳо*, *бадбахтӣ*), использованные в значении несчастья, на сегодняшний день также вышли из употребления.

«*Андар наи иқболи ту идбор муҳайёст,*

Шоми гами ҳичрони ту аз субҳи висол аст» (Туграл) [16, 519].

В таджикском языке также встречаются и антонимические пары в значении несчастья, например: *бечораи номурод*, *бечораи бадбахт* (*бедный-несчастный*) и т.д.

Таким образом, подводя итоги данной работы, мы можем сделать вывод, что, синонимический ряд вербализирующий концепт «*хушбахтӣ/happiness*» счастье и антиконцепт «*бадбахтӣ/unhappiness*» несчастье, которые представляют собой большое число именуемых их единиц, представляют нам возможность, более подробно изучить содержание концепта и антиконцепта.

В заключении подводятся основные результаты проведенного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

а) статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации:

1. Жураева, Р. С. Фразеологическое представление концепта «happiness-бахт» в английском и таджикском языках // Вестник ТНУ. Серия фил. наук № 4/6, 2017. – С. 82-84.
2. Жураева, Р. С. Лингвокультурология как продукт взаимосвязи языка и культуры // Известия НАНТ. Отд-е обществ. Наук № 3, 2020. – С.175-179.
3. Жураева, Р. С. Английские идиомы, относящиеся к концепту «Happiness» и их аналоги в таджикском языке // Вестник пед. ун-та № 1 (84). – Душанбе, 2020. – С. 37-42.
4. Жураева, Р. С. Структурный анализ монокомпонентных лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness» (счастье) в таджикском и английском языках // Известия НАНТ. Отд-е обществ. наук № 2, 2021. – С. 233-240.

б) Статьи, опубликованные в других журналах и изданиях:

5. Жураева, Р. С. Концепт, понятие и значение слова в когнитивной лингвистике // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания языков. Под общ. ред. П. Джамшедова. – Душанбе, 2018. – С. 21-24.
6. Жураева, Р. С. Интерпретация лингвокультурного концепта «бахт/happiness» (счастье) в таджикском и английском языках // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и методики обучения иностранным языкам в высшей школе (сборник статей). – Душанбе, 2018. – С. 113-114.
7. Жураева, Р.С. Синонимия лексических единиц, относящихся к концепту «хушбахтӣ/happiness» (счастье) в таджикском и английском языках // Мат. меж. научно-практ. конф. «Сравнительно-лингвистические аспекты изучения и преподавания иностранных языков в межкультурном пространстве образования». – Душанбе: Маориф, 2021. – С.303-305.
8. Жураева, Р. С. Роль языка в процессе межкультурной коммуникации // Россия – Узбекистан – Таджикистан. Актуальные проблемы межкультурных коммуникаций: сохраняя прошлое, создаём будущее (Сб. мат. межд. науч. конф. проф. препод. сост. высших уч. зав.). – Самарканд, 2021. – С. 184-186.

Список использованной литературы:

1. Айни, С. Бухара: (Воспоминания) / С. Айни. В 2-х кн. (Пер. с тадж. С. Бородина). – Кн. 1 (Отв. ред. и авт. послесл. К. С. Айни). – Душанбе: Ирфон. 1985. – 256 с.
2. Айни, С. Дохунда / С. Айни. Душанбе: Ирфон, 1984. – 428 с.
3. Аль-Фараби. Указание пути к счастью. Социально-философские трактаты. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1973. – 400 с.

4. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Наука, 2012. – 376 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / Под ред. Н. К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
6. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в английской паремиологии / С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева // Аксиологическая лингвистика: Проблемы изучения культурных концептов и этносознания: Сб. научн. тр. – Волгоград, «Колледж», 2002. С. 36-40.
7. Калонтаров, Я. И. Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ ва муқоисаи ўзбекии онҳо / Я. И. Калонтаров. – Душанбе: Дониш, 1969. – 285 с.
8. Нешев К. Этика счастья: Пер. с болг. / К. Нешев. - М.: Знание, 1982. – 64 с.
9. Расторгуева, В. С. Средне - персидский язык / В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1966. – 160 с.
10. Расторгуева, В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т.2. / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Вост. лит., 2003. – 502 с.
11. Саади. Гулистан (Розовый сад) / Под ред. А. Бертельса; пер. С персидского Р. Алиева; пер. стихов А. Старостина. Гос. изд-во Худ. лит. – М., 1957. – 323с.
12. Саймиддинов, Д. Вожасиносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2001. – 310 с. 118.
13. Саъдии Шерозӣ. Гулистон / мурат. С. Сиддиқов. – Душанбе, 2015. – 176с. 120.
14. Татаркевич, В. О счастье и совершенстве человека / В. Татаркевич. Перевод с польского Л. В. Коноваловой. – М.: Прогресс, 1981. – 368 с.
15. Султонов М. Б. Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии / М. Б. Султонов. – Душанбе, 2008. – 341 с.
16. Фарҳанги забони тоҷикӣ (словарь таджикского языка) в 2 т. / под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова и др. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 969 с.
17. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта (фарҳанги фразеологӣ) в 2 т. / М. Фозилов. – Ҷ. 1. – Душанбе, 1963; Ҷ. 2. – Душанбе, 1964.
18. Aini, S. the Sands of Oxus. Boyhood Reminiscences of S. Aini / Translated from Tajik-Persianwith intriduction and notes by John R. Perry and Rachel Lehr. – Mazda Publishers, 1998. – 290 p.
19. Bronte, Ch. Jane Eyre (Джейн Эйр (на англ. яз.)) / Ch. Bronte. – М.: Urait, 2018. – 338 p.
20. London J. Martin Eaden. (Мартин Иден (на англ. яз.)) / J. London – М.: Foreign Literature, 1953. – 132 p.

Подписано в печать __.05.2022. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman Tj.
Усл. печ. л. __, __. Тираж __00 экз. Заказ №__.

ООО “ЭР-граф”.
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com